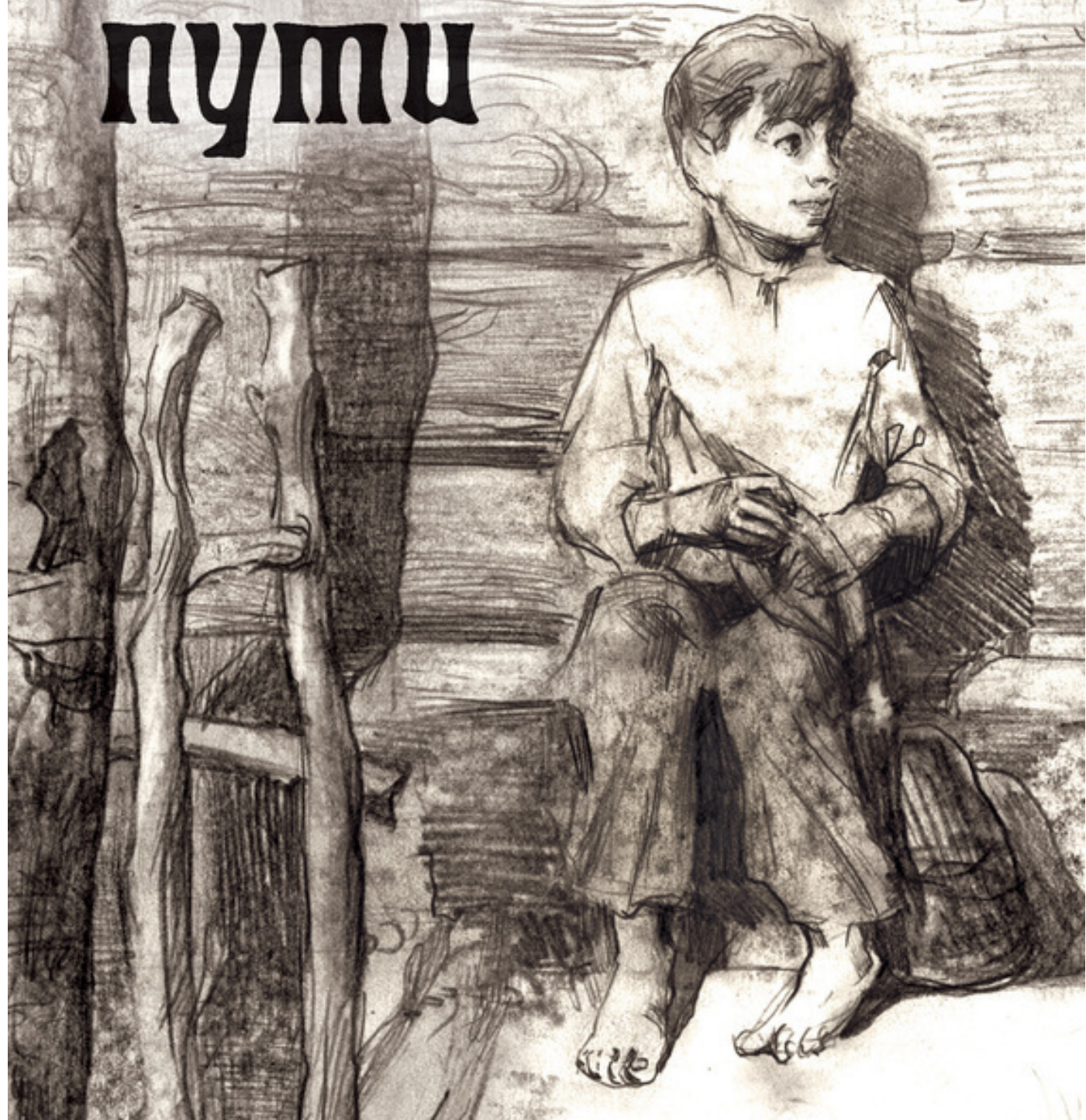

Иван Никитчук

В начале пути

Иван Никитчук

В начале пути

«Алисторус»

2016

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Никитчук И. И.

В начале пути / И. И. Никитчук — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906914-19-4

Книга Ивана Никитчука – это взгляд мальчика, подростка, юноши на непростые события сложного, порой тяжелого периода жизни нашего народа и страны в присоединенных областях Западной Украины. Только завершилась Великая Отечественная война, но враги не сложили оружия, они уничтожают тех, кто принял Советскую власть и стал на ее сторону. С огромными трудностями сталкиваются люди, но жизнь постепенно налаживается, становится лучше, появляется возможность и учиться, и работать. Непростой путь проходит за десять лет своей жизни главный герой книги, превращаясь из деревенского мальчика в образованного молодого человека. Многое пришлось пережить этому пареньку, много испытать: и утрату любимой сестры, и великое чувство первой любви. Главное – он не потерял веру в доброту и справедливость, в искренность человеческих отношений.

УДК 82.929
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-906914-19-4

© Никитчук И. И., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

От автора	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иван Никитчук

В начале пути

Выражаю глубокую благодарность своему земляку, писателю-юмористу из Одессы Г. Голубенко за возможность использовать некоторые характерные одесские акценты из его книги «Рыжий город».

© Никитчук И. И., 2016

© Василина Подшеваленко, рисунки, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Посвящается моему отцу Никитчуку Игнату Ивановичу и моей маме Никитчук (Несвит) Агриппине Евтуховне

От автора

Уважаемый читатель!

Книга, которая оказалась у тебя в руках, – это автобиографическая повесть о детских и юношеских годах одного из миллионов представителей так называемого поколения «дети войны».

Сложная судьба у этого поколения. Война, разруха, голодно... Детства как такового почти не было. Нет, оно было – сложное и тяжелое, временами трагичное.

Дети этого поколения рано познали, что такое труд, порой не по-детски тяжелый. Они понимали необходимость оказания помощи старшим, которым было тоже нелегко.

Но детство есть детство... Когда хочется побегать, поиграть со сверстниками... Было и это. Все было! Обо всем этом ты узнаешь, дорогой читатель, прочитав книгу.

Желаю приятного чтения!

Иван Никитчук,

депутат Государственной Думы Российской Федерации, доктор технических наук

Ваня проснулся. В хате было темно, только слышалось посапывание старшего брата Клим, спавшего на печи. Мальчик, чтобы никого не разбудить, тихо сполз с лежанки, надел новую рубашку и штаны, которые приготовила ему еще неделю назад мама. На цыпочках Ваня подошел к столу, на котором лежала торбочка с книгами и тетрадями. Вчера он их аккуратно туда сложил вместе с чернильницей, ручкой и карандашами. Открыв бесшумно дверь, он оказался на улице. В темноте только в нескольких окнах домов слабо мерцали огоньки. Было тихо, где-то за околицей послышался лай собаки. В соседнем дворе громко прокукарекал петух, почувствовав скорое наступление нового дня. Воздух был свежим, пахнувшим скошенной травой. Ваня зябко поежился и направился по тропинке вниз к ручью. Перейдя по кладке ручей, он уверенно зашагал, порой цепляясь за ивняк, в сторону главной улицы села.

– Ваня, – неожиданно окликнул его родной дядя Артем Несвит, брат мамы, мимо хаты, которого он как раз проходил, – ты куда в такую рань?

– Как, разве вы не знаете, что сегодня все дети идут в школу? Вот и я иду в первый класс! У меня, дядя Артем, вот здесь, в торбочке, есть и букварь, и тетрадки, и цветные карандаши! Мне мама сшила новую рубашку и штаны...

– Молодец! Но почему так рано ты поднялся? Еще все дети спят!

– А мне наш сосед Мыколка сказал, он уже в четвертый класс пойдет, что кто раньше придет, тот сможет занять лучшее место в классе. А я хочу сидеть на первой парте.

– Ну-ну, шагай! Не заблудись!

– Нет, я дорогу хорошо знаю!

Ваня прошел узким переулком на главную улицу села. Школа была рядом с сельским клубом и церковью, которая мрачно высвечивалась на фоне чуть розовеющего неба.

Ваня повернул налево к школе, длинному одноэтажному зданию, вернее хате, смотрящей на сельскую дорогу темными окнами. Присев на завалинку, он стал ждать начала первого дня учебного года.

Становилось светлее. Небо над лесом порозовело. Наконец, из-за леса, начинавшегося прямо сразу за селом, показался краешек солнца. Село просыпалось. На улице появились люди.

Пастух сельского стада начал принимать скот. Ваня увидел, что и его старший брат Клим пригнал корову Майку, семейную любимицу, в общее стадо.

– Ваня, – сказал Клим, – ты чего корову не отогнал в стадо? Из-за тебя я могу опоздать на работу.

– Ничего, один раз можно. Сегодня я займу лучшее место в классе, а завтра сам буду отгонять Майку в стадо.

– Ну-ну! Думаешь, ты один такой умный?

Первой возле школы появилась тетя Настя, которая работала здесь уборщицей. Она удивленно взглянула на Ваню и, ничего не сказав, начала подметать двор школы.

Пришел директор школы Иван Иванович в новом костюме и с большим портфелем. Заметив Ваню, он, обращаясь к уборщице, сказал:

– Настя, я-то думал, что первым буду в школе. Но вижу, опоздал.

– Да этот ученик здесь, наверное, ночевал. Он и меня опередил, – ответила Настя.

– Ты чей будешь? – спросил директор.

– Ничей, – ответил Ваня.

– Как ничей? – удивился директор. – Фамилия у тебя есть, и имя, наверное, тоже есть?

– Есть. Ваня Несвит, – ответил Ваня.

– А, это того Несвит, что за ручьем хата?

– Да.

– Что же это ты так рано пришел в школу? Мать, наверное, уже с ног сбилась, ищет тебя.

– Нет, я еще вчера ей сказал, что рано пойду в школу, чтобы занять лучшее место в классе.

– А какое это такое лучшее место? – поинтересовался Иван Иванович.

– На первой парте, чтобы лучше было видно и слышно.

– Да, ты, я вижу, парень не промах. Место на первой парте я тебе не обещаю, это твоя учительница решит, а вот поручение у меня будет к тебе. Поскольку ты первым явился в школу, тебя я попрошу после линейки дать первый звонок на первый урок. Договорились?

– Договорились, – ответил Ваня, не совсем понимая, как он будет давать тот звонок.

Директор вошел в школу, а Ваня, сидя на завалинке, смотрел, как начали приходить учителя в нарядной одежде, с праздничными улыбочивыми лицами.

Наконец, начали подходить и школьники. У некоторых из них в руках были цветы. Кое-кто пришел даже с родителями. Ваня это не одобрял. Он считал, что школьнику не пристало, чтобы его, как маленького, водили за ручку.

Когда двор заполнился детьми, на крыльцо школы вышел директор и учителя. Детей построили по классам. Первоклассников выстроили отдельной группой. Их было человек двадцать, все в чистой одежде, причесанные и умытые. Они стояли кучкой, кажется, в ожидании чуда.

Иван Иванович, немного волнуясь, открыл линейку:

– Дорогие ребята и родители! – начал он громким голосом. – Все мы, учителя, поздравляем вас с новым учебным годом! Особенные наши поздравления тем, кто впервые переступает порог школы, – первоклассникам. Им будет труднее всех привыкать к новому образу поведения, к новым требованиям. Но мы все вместе обязательно все преодолеем, научившись читать и писать, став грамотными людьми. Но и ребятам постарше тоже надо настраиваться на серьезную учебу. Одним словом, впереди у каждого из вас, ребята, у каждого учителя напряженная, но интересная и учеба, и работа. В добрый путь! Я предоставляю право произвести первый звонок ученику первого класса Ване Несвит. Ваня, возьми звонок и позвони нам на первый урок.

Тетя Настя дала Ване звонок, взяла его за руку и вывела вперед перед всеми школьниками.

– Подними звонок и звони, Ваня!

Ваня поднял звонок над головой и затряс им. Звонок радостно зазвонил, сливаясь с колокольным звоном церковных колоколов, которые тоже загудели в это время. Школьники дружной гурьбой отправились по классам. И только сейчас директор заметил, что Ваня босой, но было уже поздно.

Ваня вошел в свой класс почти последним. Многие ребята уже даже сидели за партами. Первые парты, конечно, были заняты. Ване досталось место за партой в предпоследнем ряду. Возле школьной доски стояла учительница, молодая женщина в темном костюме и красивых туфлях. Ваня сидел за партой, смотрел на учительницу, и слезы начали наворачиваться у него на глазах. Ему стало очень обидно, что он оказался так далеко от первых рядов парт.

Когда дети расселись, учительница подошла к столу и сказала:

– Здравствуйте, дети! Я ваша учительница. Зовут меня Зося Мироновна. Мы с вами вместе будем учиться четыре года. Мы научимся читать, писать, рисовать, считать и многому другому интересному и полезному. У каждого из вас должны быть буквари, тетради, ручки. У всех есть?

Дети в разной манере ответили на вопрос учителя и зашуршали учебниками. Ваня тоже решил поделиться с учительницей, сказав сквозь слезы:

– У меня есть цветные карандаши...

– Очень хорошо, мальчик. А почему ты плачешь? Тебя как зовут?

– Ваня... Я первым пришел в школу, чтобы сесть на первую парту, но директор заставил меня звонить в звонок, и я опоздал...

И слезы еще гуще полились из его глаз.

– Ну, это дело поправимо, – сказала учительница. – Сейчас мы попросим вот этого мальчика с первой парты поменяться с тобой местами.

Учительница подошла к первой парте, за которой сидел Сидор Кныш, толстый мальчик в красивой курточке. Ване был он знаком. Дом его родителей находился рядом с хатой Ваниного дяди Романа, на другом конце села. Ребята дразнили Сидора кабанчиком.

– Мальчик, – сказала учительница, – как тебя зовут?

– Сидор.

– Сидор, пожалуйста, уступи место Ване.

Сидор неохотно собрал свой портфель и пошел к парте, где сидел Ваня.

– У, краснопузый, – прошипел он, подойдя к Ване, – погоди у меня.

Ваня схватил свою торбочку и, не веря своему счастью, быстро занял место на первой парте рядом с Васей Квачем, хата родителей которого была недалеко от хаты Вани. Лицо его сияло.

– Ваня, – сказала учительница, – а почему ты в школу пришел босой, у тебя нет обуви?

Ваня опустил голову.

– Нет, – сказал он тихо. – Есть лапти, но в темноте их трудно надевать.

Некоторые дети засмеялись.

– Ничего смешного, – сказала учительница.

– Батко сказал, что с полочки купит мне ботинки со шнурками, – продолжил Ваня.

– Вот и хорошо, – сказала учительница, – теперь давайте знакомиться с вами, ребята.

Учительница открыла классный журнал и начала называть фамилии учеников...

В обед Ваня вернулся из школы. Дома никого не было. Мама что-то готовила у печи. Увидя Ваню, она распрямилась:

– Ну что, жаворонок, не опоздал в школу? – с улыбкой спросила она.

– Нет, не опоздал, – ответил Ваня. – Я теперь сижу на первой парте. Место, было, занял Сидор Кныш, но Зося Мироновна, это наша учительница, пересадила меня на его место, – похвастался Ваня. – Мамо, учительница сказала, что босым не принято ходить в школу. Батко купит мне ботинки?

– Ой, сынок, столько купить всего надо. Муки даже нет, чтобы хлеб спечь. Одной картошкой да молоком питаемся. Может, батку на заводе премию дадут, тогда, конечно, купим. А пока придется в лаптях походить.

Ваня вздохнул, сел за стол. Мать поставила перед ним чугунок с картошкой, который только что был в печи, и налила в кружку молока.

– Ешь, Ваня. Скоро батко с Климом приедут с работы, может быть, привезут тебе ботинки.

Батко с братом приехали на велосипедах к концу дня уставшими. Двенадцать километров на работу и обратно дали о себе знать. Батко и Клим работали на скипидарном заводе в городе Сарны. Батко был бондарем, а брат ему помогал. Сегодня было первое сентября, и на заводе должны были выдать зарплату. Так оно и случилось. Поэтому батко и Клим, получив деньги, заехали в магазин, купили два кирпичика черного хлеба, бутылку водки и Ване ботинки.

Батко соскочил с велосипеда, отдал матери хлеб и спросил:

– А где ученик?

– Здесь где-то, – сказала мать, – ботинки ждет. Ты купил, Игнат?

– Купил. Вот коробка.

Ваня стоял в хате и прислушивался с вниманием к этому разговору. Услышав про ботинки, он выскочил на улицу.

– Ура! – закричал он, бросаясь к батку.

– А ну, Ваня, примерь, – сказал батко.

Ваня схватил коробку обеими руками, быстро ее раскрыл и вытащил из нее пару новеньких блестящих ботинок. Глаза его загорелись радостным огнем. Тут же он сел на траву, намереваясь примерить обновку.

– Стоп, – сказала мама, – сначала ноги помыть надо, а потом будешь мерить.

Хочешь не хочешь, а пришлось ноги помыть. Ботинки оказались как раз в пору. Высокие, со шнурками, блестящие – они показались Ване даже красивее, чем туфли учительницы. Ваня гордо расхаживал в обновке по двору.

На лужайке возле хаты начали собираться девчата и ребята на субботние посиделки. Пришла с работы и старшая сестра Люба вместе с двоюродной сестрой Олей, дочкой дядька Романа, брата отца. Пришел Петя Миколайчук со своей гармонией. Ваня очень любил слушать, как он играет на гармошке. А играл он действительно чудесно. У Вани даже волосы шевелились на голове и слезы выступали на глазах, когда он слушал залихвастые переливы, извлекаемые Петром из своей гармошки. Ваня хотел обязательно научиться тоже так играть на гармошке и еще на скрипке. В их хате под потолком висела скрипка, почему-то черного цвета. На ней играл его дед Иван, отец батька. Дед давно умер, Ваня его не видел и не слышал, как он играл на скрипке, но в селе многие высоко отзывались о мастерстве деда Ивана, ни одна свадьба в родном селе Трискино, да и в соседних селах, не обходились без его скрипки.

Все заметили у Вани новые ботинки, и каждый выразил свое восхищение. Ваня был на седьмом небе.

Заиграла гармошка, девчата запели, ребята им подпевали:

Ой, у вышнэвому садочку там соловэйко щэбэтав...

Вечерело. Солнце садилось за белые холмы, маячившие далеко за рекой Горынь. Небо и несколько туч на западе неба окрасились в красно-малиновый цвет уходящего дня. Свежий ветерок шевелил листья ольхи, растущей на берегу ручья рядом с хатой, как бы грустя об уходящем дне и уходящем лете.

Гармошка заиграла веселую польку. И в это время на окраине села, близкой к лесу, прозвучали автоматные очереди, потом несколько одиночных выстрелов. Музыка замолчала. Все стали прислушиваться и гадать, что бы это значило.

– Игнат, – сказала мама, – кажется, стреляют в стороне хаты Романа. Не случилось ли чего?

– Не должно. Он ведь не ночует дома.

– Сегодня свадьба у Пелипчуков, они с Галей собирались пойти туда. А что, если он там выпил, а Галя притащила его домой? Ой, чует мое сердце недоброе.

Только мама это успела проговорить, как во двор вбежал Володя, сын дядька Романа, парень лет шестнадцати. Весь в слезах, с перекошенным лицом и перепуганными глазами.

– Дядьку Игнат, батька и маму бандеровцы застрелили...

– Спокойно, Володя, – сказал батько, взяв его за плечи. – Рассказывай, что случилось.

– Мы пошли на свадьбу Пелипчуков, нашего кума, – сквозь слезы стал рассказывать Володя. – Батько там, конечно, выпил. Мама уговорила батька пойти домой проспаться. Я пошел с ними. Они легли отдыхать в сенцах, а я лег на печи в хате. Не прошло и часа, как через окошко в сенцах с автомата расстреляли сонных батька и маму. Я очень испугался, спрятался на печи, набросав на себя всякое тряпье. После этого бандеровцы выбили дверь и вошли в хату. Забрали одежду батька военную, его награды и оружие. Выходя, они еще два раза выстрелили в маму, добив ее. Батько и мама лежат в крови. Я боюсь туда возвращаться.

– Эх, Роман, Роман! – проговорил отец. – На фронте выжил, так дома убили. Предупреждал я тебя быть осторожным. И зачем тебе было взваливать на себя эту должность председателя сельского совета? Не помогли тебе ни карабин, ни гранаты...

– Игнат, – перепуганным и дрожащим голосом отозвалась мама, – что делать будем?

– А что делать, Гриппо? Надо идти, не могут же они лежать в крови. Где Клим? Пойдем с ним вдвоем, приведем их в божеский вид, завтра надо хоронить.

– Ой, боюсь я, Игнат, они и вас могут сейчас убить. В засаде, наверное, сидят и следят за хатой.

– Будь что будет, ведь это брат родной. Надо идти... Клим, пойдешь со мной?

– Пойду, батьку, – отозвался Клим не совсем уверенным голосом.

– Подождите, – сказала мама, – я сейчас что-нибудь из одежды подберу. Вряд ли вы там найдете что-то подходящее. Галя такая хозяйка...

– Давай, Гриппо, только побыстрее, уже совсем темно, – попросил батько.

– Володя, – обратился батько к стоящему в оцепенении племяннику, – сынок, сбегай к Кухарчику, плотнику, ты его знаешь, попроси его сделать два гроба к завтрашнему дню, скажи, что я ему заплачу.

Володя, вздрогнул от этих слов и ничего не ответив, направился в сторону усадьбы Кузьмы Кухарчика.

Через несколько минут мать дала батьку узел с одеждой, и они с Климом, сев на велосипеды, уехали на другой конец села к хате дядька Романа.

Подъехав к хате, они сошли с велосипедов, прошли через калитку и очутились на подворье. Было тихо, в сгустившихся сумерках слышался где-то лай собаки. Рядом в безмолвии темнел лес. Хата Романа стояла с раскрытой входной дверью, как большая голова с открытым в немом возгласе ртом. Батько перекрестился и направился к открытой двери.

Они вошли в сенцы, ничего не различия в темноте.

– Клим, – сказал батько, – пройди в комнату, найди лампу, зажгли ее и приходи с ней сюда.

Когда Клим вошел с зажженной лампой в сенцы, перед ними открылось ужасное зрелище. Роман лежал на спине с прострелянной грудью. Лицо его было спокойным, казалось, что он просто спит. Нижнее белье на нем, пропитанное кровью, резко контрастировало с бледным лицом.

Галя, еще молодая и красивая женщина, лежала на боку. У нее была рана на животе и прострелена голова. Лужа крови вытекла из-под кровати.

– Клим, – сказал батько, – их надо перенести в комнату. Там мы с них смоем кровь и сменим одежду. Не бойся, сынок, мертвые ничего плохого живым не могут сделать.

Через часа два неприятные хлопоты были закончены. Роман и Галя в чистой одежде лежали рядом на кровати в углу комнаты.

– Кажется, все, – сказал батько, – жаль, что не захватили с собой бутылку водки. Какая глупая смерть! Тридцать пять лет всего. Ему бы жить да жить... Давай закроем хату да поедем домой.

Приехав домой, они застали всех домашних за столом, на котором стоял горшок с картошкой, глечик с молоком, нарезанный хлеб и неначатая бутылка водки. Были здесь и дети Романа – Володя и Оля, девочка лет четырнадцати.

– Ну, как там, Игнат? – спросила мама.

– Убиты, – ответил батько. – Все унесли бандиты. Мы с Климом подготовили Романа и Галю к завтрашним похоронам.

– Володя, ты был у Кухарчика? Сделает он к завтрашнему дню два гроба? – спросил батько.

Володя снова вздрогнул и, кивнув головой, ничего не сказал.

– Ну, ладно, – промолвил батько, – давай, Гриппо, помянем брата и Галю. Открывай бутылку, давай стаканы, я сегодня считаю целый день голодный.

Мать усадили всех за стол, положила каждому в тарелку по две картофелины, налила детям молока. Батьку и себе налила по полстакана водки.

– Кушайте, дети, – сказала мать, – тяжелое нынче время, но и его надо пережить. Володя и Оля, кушайте, теперь мы одна семья. Жить будете у нас. Где четверо детей, там и шестеро поместятся.

Володя и Оля посмотрели на маму грустными глазами, и губы их задрожали.

– Ну-ну, – сказала мама, – только не плакать, все будет хорошо, кушайте.

Дети принялись за еду, а мама с батьком молча подняли стаканы с водкой и молча выпили.

После ужина батько, осмотрев детей, промолвил тихим голосом к Климу:

– Сынок, съезди к дядьку Сидору, пусть он завтра придет, поможет хоронить Романа. Он ведь тоже брат ему.

Клим, надев пиджак, сел на велосипед и уехал на другой конец села, где жил еще один из трех братьев, дядько Сидор.

– Как бы дать знать в район, в Сарны, – промолвил батько, – все же председателя сельсовета убили, представителя власти. Ума не приложу.

– Ночь на дворе, какой район? – сказала мама. – Да и расстояние не маленькое, двенадцать километров. И чем поможет район, воскресит мертвых?

– Не воскресит, конечно, но похороны пройдут спокойнее, – сказал батько, – бандиты не посмеют сунуться.

– Дядьку Игнат, – дрожащим голосом отозвался Володя. – Дайте мне велосипед, я поеду в Сарны.

– Володя, темно, лесом надо ехать. Заблудишься или на бандитов наткнешься, – проговорил батько.

– Не наткнуся, я знаю тропку в лесу, проскочу.

– Хорошо, – подумав, сказал батько, – бери велосипед и езжай в райсовет. Знаешь, где он находится? На улице Ленина.

– Знаю, – ответил Володя, – не беспокойтесь, найду.

Володя вышел во двор, сел на велосипед и исчез в темноте.

В хате стало тихо. Батько сидел за столом, подперев голову рукой. Мать убирала посуду со стола. Вернулся Клим.

– Ну, как там Сидор? – спросил батько, – знает, что брата убили?

– Знает, – ответил Клим, – ругается. Говорит, что он предупреждал дядька Романа, чем кончится его председательствование. Завтра на похороны он не придет.

– Говнюк, – сказал батько, – говнюком и остался.

– Пора ложиться спать, – промолвил батько, – завтра тяжелый день. Дети, всем спать.

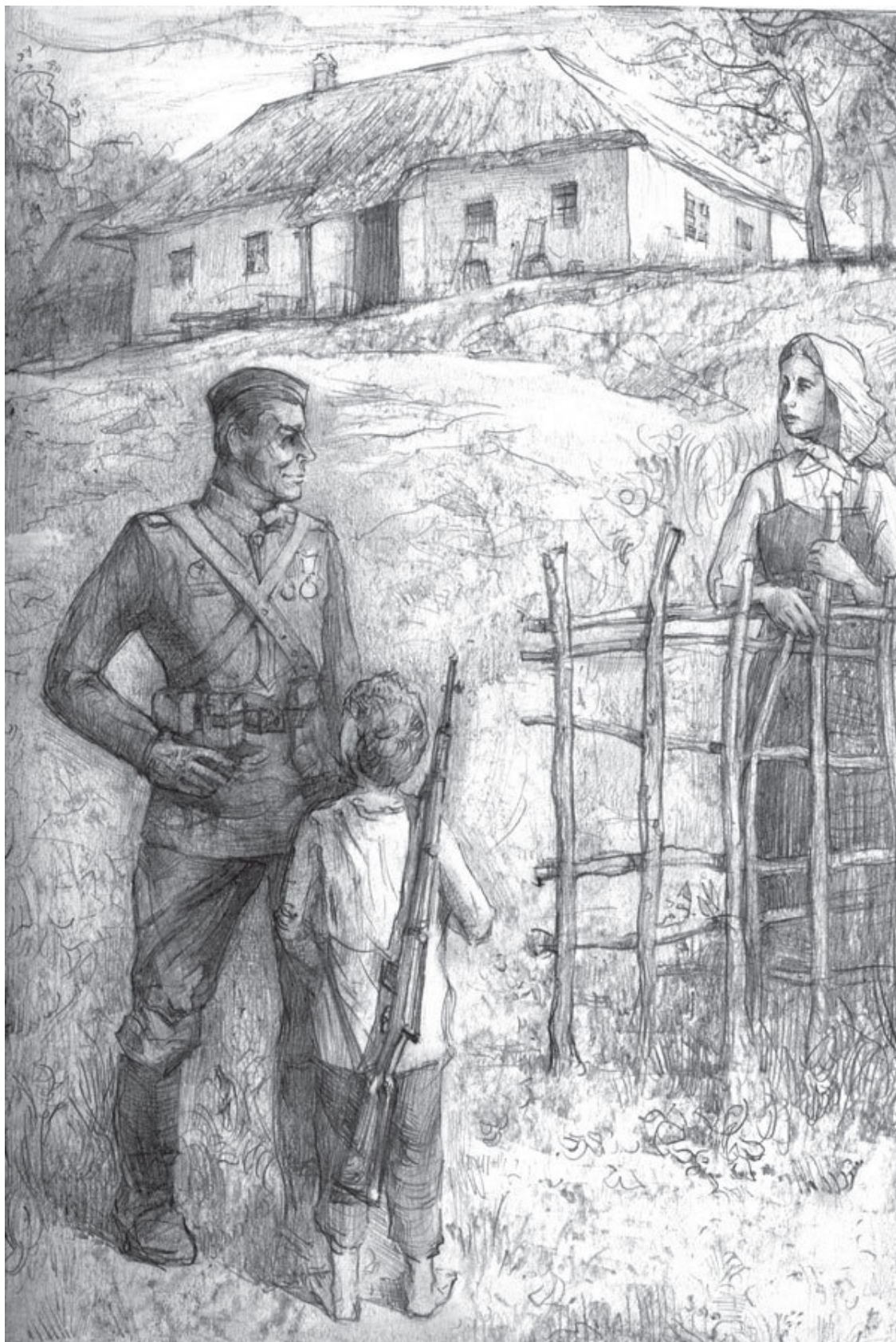
Все разместились на кровати и печи. Ваня лег на свою лежанку и скоро уснул каким-то тревожным сном.

И снится ему сон. Как будто сидит он на ступеньке крыльца хаты. По тропинке идет дядько Роман с карабином на плече, с пистолетом в кобуре, висящей на поясе, и гранатами на том же поясе. Идет и улыбается.

– Здравствуй, Ваня, – приблизившись, сказал дядько Роман. – О чем задумался, казак? Кто дома есть?

– Доброе утро, дядько Роман, – ответил Ваня. – Все пока что дома, здесь и ваша тетя Галя. Она вас ищет.

– А чего это я ей понадобился? – удивился дядько Роман. – Она ведь знает, что я ездил с солдатами бандеровский схрон с картошкой изымать. Ох, и картошки они на зиму запасли. Две машины загрузили. Пусть теперь зимой лапу сосут.

На крыльцо вышла тетя Галя. Увидев мужа, она, взяв руки в бока, сразу перешла в наступление:

— Явился! О детях не думаешь! Мало того, что сам по болотам прячешься, так ты еще и нас всех под бандитский топор подставляешь! А знаешь ли ты, власть, что два дня назад всю

семью Татарчуков бандеровцы вырубili топорами, даже младенца в люльке, только за то, что они продали солдатам картошку. А ты схрон разорил! Да за это они всех нас уничтожат. И не только нас, но и семью брата твоего, Игната...

– Не кудахтай, курица, – ответил сердито дядько Роман. – Скоро им всем конец будет...

– Пока их всех выловят, они еще много горя принесут. Смотри, поймают тебя...

– Для них у меня есть противоядие – пули и гранаты. Я им живым не дам, и они это хорошо знают. А на твои глупые слова на тебе дулю.

И дядько Роман, скрутив фигу, выставил ее в сторону жены. Тетя Галя двинулась в его сторону. Дядько Роман поспешно вышел со двора и стал за плетнем, поставив на него руку с фигурой. Тетя Галя не стала выходить со двора, она скрутила две фигуры в ответ и поставила свои руки тоже на плетень. Так и стояли они какое-то время друг против друга. Первым не выдержал дядько Роман.

– Галочка, и чего это ты сегодня такая сердитая? Дай мне лучше воды попить, в горле все пересохло, – примирительно обратился он к жене.

– Что, пьянствовали, обмывали проведенную операцию? Ох, Роман, Роман! На фронте не навоевался...

– Галочка, ну что ты снова запричитала. Что же мне, смотреть, как эта погань людей уничтожает, детей топорами рубит? Не могу я на это смотреть. Погань бандеровская должна исчезнуть с нашей земли.

– Дай-то бог! Только боюсь я за нас и детей наших. Страшно, Роман, каждую ночь дрожу от страха.

– Не бойся, я всегда нахожусь рядом с хатой, ожидая непрошенных гостей.

Тетя Галя пошла в хату за водой. Воспользовавшись ее отсутствием, Ваня подошел к дядьку Роману.

– Дядьку Роман, возьмите меня с собой с бандеровцами воевать.

– Да рано тебе еще, Ваня, с врагами биться. Ты же и карабин не сможешь поднять.

– Смогу, – обиделся Ваня, – дайте мне его, сами увидите.

Дядько Роман снял с плеча карабин и одел его на плечо Вани. Ваня немного согнулся под его тяжестью, но вида не подал, что ему тяжело.

– Ну, а теперь шагай! – скомандовал дядько Роман.

Ваня попытался идти, но волочащийся по земле приклад карабина не дал ему это сделать.

– Вот видишь, – сказал Ване дядько Роман, – подрасти тебе еще надо, Ваня.

В этот момент из хаты вышла тетя Галя. Давая кружку с водой, она не удержалась сказать:

– Совсем ты с ума выжил, Роман. Ну, что нацепил на ребенка?

– Ничего, пусть привыкает. Он будущий солдат.

Ваня попытался снять с плеча карабин, но он выскользнул из рук и упал на землю. Ваня зажмурился, боясь, что карабин сам выстрелит от удара об землю, и проснулся.

«Что это было? Сон? – подумал Ваня. – Но ведь совсем недавно дядько Роман действительно давал ему поносить карабин. И ругались они с тетей Галей на нашем дворе... Нет, это сон... Ведь дядька Романа и тетю Галю убили...»

Ваня зажмурил глаза, пытаясь уснуть, отгоняя от себя это страшное известие...

Утром из города вернулся Володя вместе с районным начальством и двумя военными грузовиками с солдатами. Они подъехали к хате родителей Вани. У некоторых солдат, кроме оружия, были еще и духовые инструменты. Из кабины одной из машин вышел офицер и скомандовал солдатам покинуть кузов машин. Солдаты спрыгнули на землю и стали разминать затекшие ноги, закурили.

Было раннее утро, но Ваня уже проснулся и вышел во двор. Он с любопытством рассматривал машины и солдат, одетых в военную форму, на голове у них были пилотки с красными звездами. С кабины другой машины вышел человек в гражданской одежде.

– Мальчик, – обратился он к Ване, – папа дома?

– Нет его, – ответил Ваня.

– А мамка?

– В хате.

– Скажи ей, пусть выйдет.

Ваня забежал в хату и сказал маме, что дядя из машины просит ее выйти во двор. Мать поставила ухват в угол около печи и вышла на крыльцо.

– Здравствуйте, – сказала она, – обращаясь к человеку в гражданском.

– Хозяйка, – сказал он, – я заместитель председателя районного совета Николай Иванович Приходько. Где ваш хозяин?

– Муж с сыном пошли к плотнику забрать гробы, – ответила мама. – Да вот они везут их на велосипедах.

Батько и Клим подошли к хате, приставив велосипеды с гробами к плетню.

– Здравствуйте, – поздоровался батько.

– Здравствуйте, – ответил Приходько. – Примите наши соболезнования.

– Спасибо, – сказал батько. – Хорошо, что приехали. Никто помочь не хочет, все боятся. И когда только все это закончится? На фронте и то не было так страшно, как теперь дома. Не столько за себя, сколько за детей. Ведь никого не щадят бандиты.

– Закончится, – сказал Приходько, – недолго осталось. Командуйте, что надо делать.

– Давайте отвезем гробы к хате Романа. Надо несколько человек, чтобы помочь уложить в гробы Романа и Галю. Пошлите на кладбище человек пять-шесть, пусть выкопают одну общую на двоих могилу.

Офицер отправил шесть человек на кладбище. Одна машина с солдатами уехала тоже на кладбище, другая, в которую сели батько и Клим, уехала к хате дядька Романа. Ваня тоже хотел залезть в кузов к солдатам, но батько не дал ему этого сделать, попросив помочь дома маме. С неохотой, но пришлось ему с этим согласиться, хотя так хотелось прокатиться по селу в машине. Пусть позавидовали бы ему эти кныши!

– Володя, сынок, – позвала мама, – сходи к тете Марье, заberi домой Анечку. Она уже там второй день. Люба и Оля будут мне помогать приготовить что-то для поминок.

Тетя Марья – это старшая сестра батька. Она жила в хате недалеко от хаты дядька Романа вместе со своей дочерью Секлетой. Анечка была младшей сестрой Вани, девочка пяти лет, кудрявая блондинка, общая любимица. Тетя Марья тоже ее любила и часто забирала к себе, помогая маме справиться с заботами большой семьи.

К обеду все было готово для похорон. Гробы с телами Романа и Гали привезли на сельское кладбище. Их поставили на краю вырытой могилы. С одной стороны могилы выстроились солдаты с музыкальными инструментами, а с другой – солдаты с винтовками. Отдельной кучкой стояли батько, тетя Марья, Клим и Володя.

Вперед выступил зампред районного совета. Он снял картуз и тихим голосом произнес:

– Друзья, родные Романа Ивановича. Сегодня мы прощаемся с этим мужественным человеком, настоящим коммунистом, защитником советской власти. Он был храбрым солдатом и умер как герой. Не уберегли мы его, но память о нем мы сохраним на многие годы. Убийцы нашего товарища и его супруги обязательно понесут заслуженную кару. Пусть земля тебе будет пухом, Роман Иванович.

Офицер дал знак солдатам, и четверо солдат с помощью веревок поочередно опустили гробы в могилу. Зампред и батько бросили в могилу по горсти земли. Те же солдаты лопатами стали засыпать могилу землей. Оркестр заиграл гимн Советского Союза. Когда солдаты спра-

вились с могилой, солдаты подняли винтовки и по команде офицера трижды выстрелили в воздух. Выстрелы эхом пронеслись над селом, подяв с деревьев стаю ворон.

На этом церемония похорон была завершена. Батько подошел к зампреду и пригласил его на поминки.

– Спасибо, Игнат Иванович, – сказал зампред, – надо возвращаться в район. Время горячее. Бандиты, чувствуя близкий конец, свирепствуют. Вчера в лесу надругались и повесили молодую девушку, фининспектора. Возвращалась из Сарн домой. Единственная дочь у матери. Надо в Ровно, в область доложить.

– Кругом беда. Спасибо, что приехали. Без вас мне было бы гораздо труднее справиться с этим горем, – сказал батько. – Ведь что творят, сволочи!

– Не надо благодарить, – ответил зампред, – это наша обязанность. Вы зайдите на неделе в райсовет, надо будет поговорить о детях Романа.

– Дети останутся жить вместе с нами, в моей семье, – сказал батько, – мы их никуда не отдадим.

– Хорошо, но надо решить вопрос и о материальной поддержке.

– Этот вопрос важен. Сами знаете, жить трудно, у меня самого четверо детей. Поддержка, конечно, не помешает. Обязательно зайду. Спасибо.

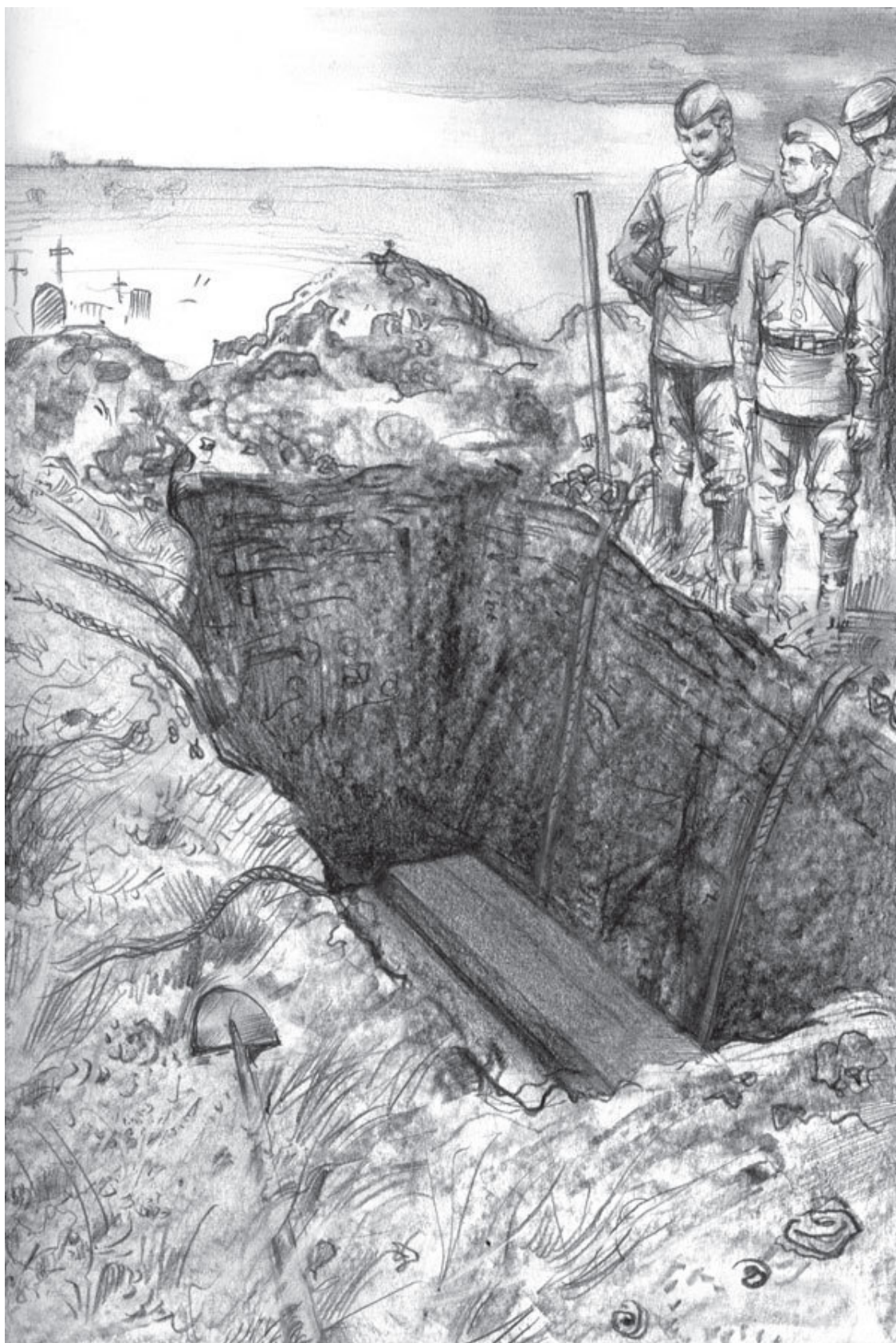
– А как вы смотрите, если мы вам предложим занять место брата? – задал вопрос зампред.

– Да какой из меня председатель сельсовета, – ответил батько, – я и расписаться толком не могу, читаю с трудом. Нет, спасибо. Теперь я многодетный отец, надо об их судьбе побеспокоиться, о детях.

– Я понимаю, – сказал зампред, – но вы все же подумайте.

– Нет, – сказал батько, – тут и думать нечего.

На этом они попрощались, и машины с солдатами и зампредом уехали в Сарны.

Но беда на этом не закончилась. Пока батько был на кладбище, в хату пришла тетя Настя, сестра мамы, которая жила на другом берегу Горыни, напротив нашего села Трискино. Она пришла вся в слезах с почерневшим от горя лицом.

– Ой, Гриппочко, – заголосила она, едва переступив порог хаты, – горе-то какое!..

– Что случилось, Настя? – с тревогой в голосе спросила мама.

– Ой, – еще громче заголосила тетя Настя, – нет больше моей Верочки. Убили бандеровцы, повесили в лесу. У меня же никого, кроме нее, нет. Сегодня утром привезли ее домой. Надругались над ней. Надо хоронить, но даже могилу некому выкопать. Все боятся, всех запугали нелюди. Гриппочко, может быть, Игнат и Клим помогут могилу выкопать?

– Настя, сестричка, так они сейчас тоже на кладбище, – тихим, дрожащим голосом ответила мама, и слезы выступили у нее на глазах. – Какое горе, бедная Верочка, такая красавица росла.

– А что у вас случилось, почему они на кладбище? – удивленно, сквозь слезы, спросила Настя.

– До вас, наверное, еще не дошел слух. Убили бандеровцы вчера наших Романа и Галю. Сегодня хоронят. С Сарн приехало начальство с солдатами. Сейчас все на кладбище.

– Ах ты, боже мой, – снова запричитала тетя Настя. – Ну, почему это горе на нас свалилось? Чем мы провинились перед богом?

– Ой, сестричка, горе-то какое! Подожди, сейчас наши придут с кладбища, будем советовать, что делать, как тебе помочь.

Вскоре на пороге показался батько, Клим, Володя. Увидев Настю, батько удивленно сказал:

– Какими судьбами к нам, Настя? Чего плачешь?

– Ой, Игнат, – за Настю ответила мама, – беда у нее, Верочку вчера бандеровцы изнасиловали, а потом повесили в лесу. Возвращалась из Сарн одна на велосипеде. Надо просить Клим и Володю пойти вместе с Настей на другой берег Горыни, в Текливку, помочь похоронить Верочку, могилу выкопать, ведь Настя совсем одна, люди запуганы, никто не хочет помочь даже в таком скорбном деле.

– Конечно, поможем. Клим и Володя пойдут с тобой, Настя. Сейчас немножко подкрепятся, сегодня еще ничего в рот не брали, – сказал отец. – Вот горе, все сразу свалилось на нас. А мне сказал зампред района о девочке, которую бандеровцы повесили вчера в лесу, но я даже и не подумал на Верочку. Изверги! Ну, да что теперь говорить, давайте садиться за стол. Дни стали короче, надо ребятам успеть справиться с еще одним скорбным делом.

На поминках, кроме членов семьи, включая и детей дядька Романа, тети Насти, присутствовала и тетя Марья. Все сели за стол, мать положила каждому по картошке, кусочку курицы, которой она пожертвовала, и кусочку хлеба. Батьку, тете Марье, тете Насте и себе разлила остатки водки из вчерашней бутылки.

– Ну что, сестра, давай помянем нашего брата, – обратился батько к сестре Марье. – Хороший он был человек, лучше нас. Бог забирает к себе лучших, чтобы мы помнили о них и гордились ими. Роман за нас погиб, чтобы мы жили и чтоб всякая погань исчезла с нашей земли. Глупо получилось... Но что теперь об этом говорить... Володя, Оля, гордитесь своим отцом. Тяжело, но мы с вами и вы с нами. Пусть будет земля пухом Роману и Гале. И ты, Настя, не убивайся так, жить надо. Слезами горю не поможешь. Давайте выпьем и за память Верочки.

Все взрослые выпили, закусив скромным блюдом и запив молоком.

– Клим, Володя, собирайтесь, пойдете с тетей Настей, поможете ей управиться с похоронами Веры, – сказал батько. – Постарайтесь вернуться засветло.

Солнце склонялось к закату, когда Клим и Володя вернулись уставшими домой. Мать им отрезала хлеба и налила свежего молока.

– Устали? – спросила мама. – Ешьте. Как там у Насти?

– Похоронили, – ответил Клим. – Страшно было смотреть на Веру, так над ней бандеровцы поиздевались. Лицо – сплошная ссадина. Так и хоронили втроем. Погрузили гроб на

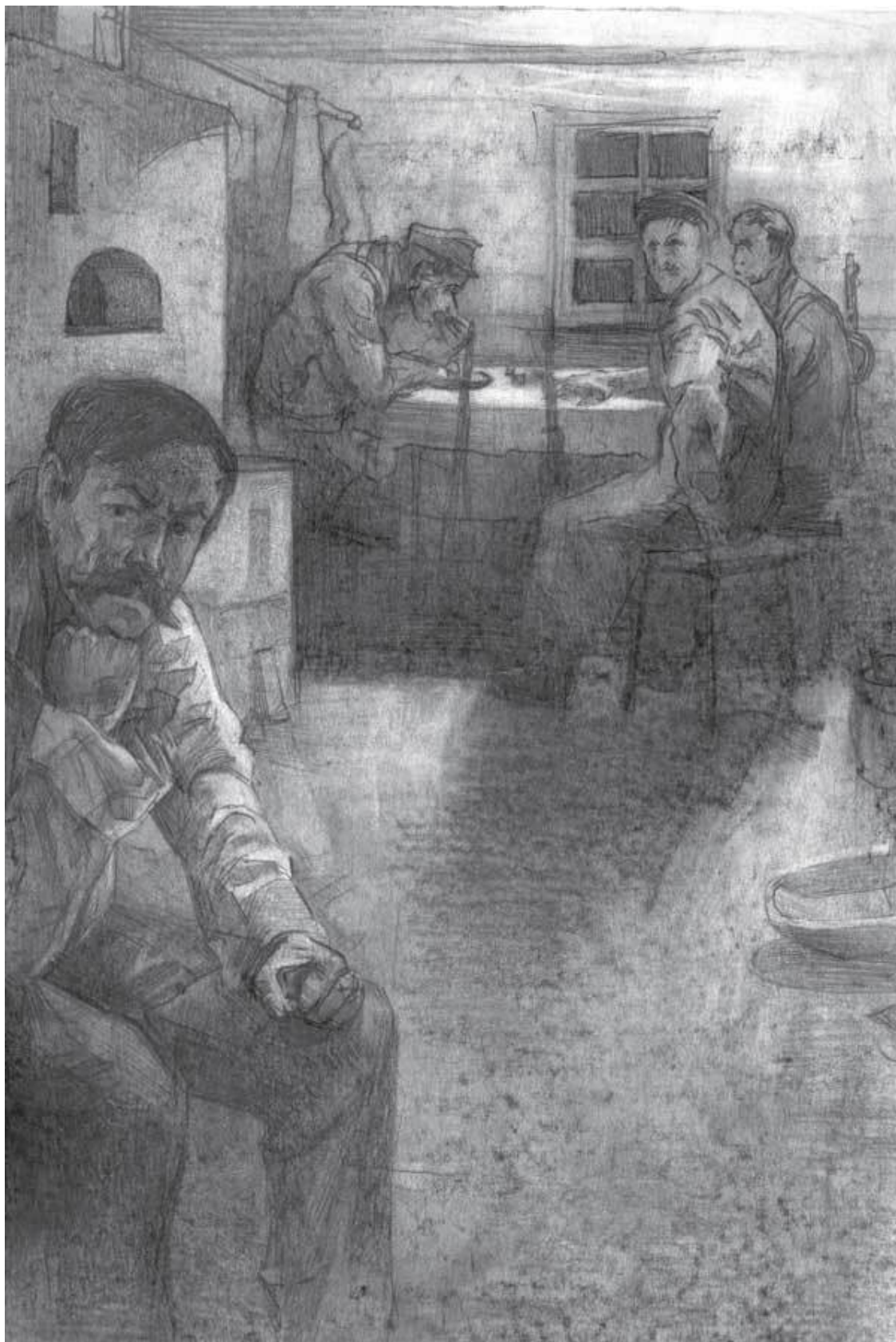
возок, впряглись с Володей и дотащили до кладбища. Сложнее было опустить гроб. Пришлось мне с одного конца гроб удерживать, а Володя с тетей Настей – с другого. Ничего, справились.

– Молодцы, – сказала мама. – Смерть Веры убьет Настю. Завтра на работу не ходите, отдохните немного.

– Я вот что думаю, Гриппо, – промолвил батько, – они от нас не отстанут, обязательно придут. Пусть все дети после ужина пойдут ночевать кто-то к Марье, кто-то к твоему брату Артему. Ваня и Аня останутся дома. Если что, мы их спрячем на печи. Надо что-то думать, как дальше быть. Жить со страхом – хуже пытки.

Но никто не пришел ни в эту ночь, ни в следующую. Пришли на третью ночь.

Было уже близко к полуночи, когда раздался стук в двери сеней.

– Игнат, – дотронулась до плеча батька мама, – кто-то стучит в дверь.
Батько поднялся с кровати и выглянул в окно. Во дворе маячило несколько теней.
– Гриппо, быстро детей на печь, набросай на них тряпок, и пусть сидят как мыши тихо.

Батько пошел в сени открывать дверь, а мама, быстро разбудив Ваню и Аню, полусонных запахнула на печь, приказала не шевелиться и молчать.

Вслед за отцом в хату вошли три бандеровца, вооруженных автоматами, в форме советских солдат.

– Слава героям! – произнес один из них.

Это был Панас Нечипорук по кличке Кривой нос. Прозвали его так из-за большого носа, делившего его лицо на две неравные части. До войны он жил по соседству с батьком со своей сестрой. Жили бедно. Взяв в руки оружие, он стал настоящим зверем, мстя невинным людям за свою прошлую жизнь в нищете и унижении. Батько до войны иногда помогал ему с сестрой по хозяйству.

– Что не здороваешься, дядьку Игнат, – не узнаешь или сердишься? – спросил бандит, обращаясь к батьку на ты. – Брат твой совершенно скурвился, вот и пришлось его успокоить. Он нам стал как кость в горле. Разорил два схрона, оставив хлопцев без еды на зиму.

– А чего здороваться, я ведь знаю, зачем вы пришли. По наши души, – ответил батько. – Герои делом заняты, а не по лесам прячутся, Панас.

Два других бандита, выставив вперед автоматы, в темноте осматривали комнату.

– Пока души ваши нам не нужны. Но если будешь, дядьку Игнат, слишком смелым, то придется и тебе язык укоротить, несмотря на наше прошлое соседство.

– Тетя Гриппа, есть что перекусить? – обратился он к сидящей на кровати маме.

– Могу дать остатки картошки и молока, что остались от ужина, – почти шепотом ответила мама.

– Давай!

Бандиты молча уселись за стол, не выпуская из рук автоматов.

Мать принесла чугунок с картошкой и глечик с молоком. Поставила на стол кружки и снова села на край кровати.

Бандиты принялись жадно за картошку и молоко.

– А где дети? – спросил Кривой нос.

– А дети тебе зачем? – спросил батько. – Кто где.

– Спрятал? От нас не спрячешь, дядьку Игнат, – осклабился бандит.

– Так вот, дядьку Игнат, – дожевывая картофель, проговорил Кривой нос, – мы пришли тебя предупредить, что еще один неверный шаг, и ты пойдешь за своим братом. Почему без спроса хоронил Романа, этого врага нации?

– Панас, это же мой родной брат. А если бы такое, не дай бог, конечно, случилось с твоей сестрой, ты бы как поступил? И у кого я должен спрашивать разрешения? По лесу вас искать?

– Дядьку Игнат, не прикидывайся, ты хорошо знаешь, как нас найти. Не доводи до греха, чтобы мы тебя не начали искать и твоих детей, – с угрозой в голосе проговорил бандит. – И последнее. Отдай нам свою одежду, обувь, в которых ты пришел с фронта, и награды.

– Так, Панас, на прошлой неделе ко мне ночью приходил Ничипор Паляничка и все забрал.

– Ничипор забрал, говоришь. Ну, ладно, дядьку Игнат, живи пока. Пошли, хлопцы, – обратился Кривой нос к двум другим бандитам. – И помни, дядьку Игнат, я тебя предупредил. У тебя много грехов, ты это знаешь. На заводе работаешь, бочки москалям делаешь.

– Бочки – это не оружие. А что ты прикажешь, с голоду умереть мне и моей семье? Или идти к тебе в лес народ грабить? Так я на фронте навоевался. С меня хватит, – ответил батько.

– Ну-ну, смотри, дядьку Игнат.

Бандеровцы покинули хату, батько закрыл дверь в сенях и вернулся в комнату.

– Ушли? – дрожащим голосом спросила мама.

– Кажется, ушли, – ответил отец.

– Игнат, я чуть не умерла от страха. Когда он спросил про военную одежду, а ты сказал, что Паляничка ее забрал, я вся сжалась от страха. А если бы они заметили английские твои ботинки, в которых ты вернулся с фронта? Вон они стоят возле кровати. Хорошо, что в хате было темно. Тебе жаль этой военной одежды, что так рисковал?

– Гриппо, никакого риска не было. Ты же знаешь, что Паляничку неделю назад застрелили солдаты у нас в селе. И эти бандеровцы тоже знают. А потом, почему это я должен бандитам отдать свои награды? Я их кровью своей заслужил.

– Ладно, давай спать. Как бы теперь уснуть? – сказала мама. – У меня до сих пор дрожь во всем теле. Дети спят, наверное?

– Я не сплю, – раздался с печи голос Вани. – Мамо, можно я снова лягу спать на свою лаву, здесь Аня мне мешает спать.

– Сынок, – сказала мама, – ты не спал? Ты все слышал, тебе было, наверное, страшно? Бедное дитя.

– Я все слышал и все видел. Я подглядывал из-под фуфайки, – ответил Ваня, слезая с печи. – Я бандитов не боюсь.

– Еще один герой выискался, – сказала мама. – Ложись на свою постель, и давайте спать. В хате стало тихо, Ваня сразу уснул, а родители еще долго тихо разговаривали о пережитом и о том, как дальше жить.

Дня через три, приехав с работы и поужинав, батько, сидя за столом, сказал маме:

– Садись, Гриппко, надо поговорить, посоветоваться.

– О чем говорить будем? – спросила мама.

– О жизни, о чем еще. Был я сегодня в райсовете. Оформил материальную помощь на детей Романа. Там же случайно разговорились с одним мужчиной, который занимается вербовкой людей в восточные и южные районы Украины. Может быть, и нам податься?

– Ой, не знаю, Игнат. Страшно срываться с родного места и ехать бог знает куда. Хату продай, корову продай... Здесь у нас хоть крыша над головой есть. А там все начинай сначала?

– Из слов этого человека не все так и плохо, дают ссуду, дают подъемные деньги, обещают работу, с жильем помогут. Ты подумай. А что здесь? Да, хата, да, корова. И все! Да еще приходится дрожать каждую ночь, что какой-нибудь Нечипорук или Володиш прикончит тебя и детей твоих. Они ведь не зря приходили ночью. Эти непрошеные гости могут вернуться в любое время.

– Не знаю, Игнат. Решай сам. Ведь шестеро детей, Ваня в школу пошел. Страшно, конечно, но еще страшнее жить в ожидании смерти. Я, наверное, не переживу еще одного визита этих бандитов. Да и все мы можем не пережить. Я сама готова куда угодно убежать, лишь бы не видеть их рожи. Решай, Игнат.

– Хорошо, завтра встречусь с этим человеком и обсужу с ним все детали. Потом примем окончательное решение. Детям пока ничего не говори, и никому не надо говорить об этом. В лесу узнают, может быть беда.

На следующий день батько приехал с работы чуть раньше обычного. Клим с ним не было, он еще заканчивал собирать очередную бочку на заводе.

Мать поставила ужин на стол – картошку в виде драников и молоко. В хате больше никого не было.

– Гриппо, – принимаясь за ужин, – сказал батько, – я все обговорил с вербовщиком. Он назвал и сумму ссуды, и сумму подъемных. Денег должно хватить на обустройство и на проживание на первое время. Вот только времени у нас остается мало. Через неделю надо все подготовить к отъезду.

– Да как же так, Игнат? – запричитала мама. – Ведь и корова, и хата...

– Ну, что ты, Гриппочко, паникуешь? – немного рассерженным голосом сказал батько. – Соседей попросим присмотреть за хатой, корову можно сестре Марье отдать.

– Да, посмотрят они. Растащат все!

– Что у тебя тащить? Брат твой вон за ручьем живет, в ста метрах. Не посмотрит разве?

– Что же так быстро? – продолжала причитать мама. – Хотя бы месяц еще. Надо было бы со всеми увидеться, попрощаться.

– Ты же не в Америку едешь. Успокоится все вокруг, в гости приедешь. Еще интересней будет.

– Ой, не знаю! Страшно, Игнат!

– Заканчивай со своими страхами, Гриппо. Все, едем! Завтра я получу ссуду и подъемные. Сумма приличная. Кроме того, надо будет написать заявление об увольнении с завода и получить расчет. Завтра возьму с собой Клима с Володей. Разделим все деньги на три части. На всякий случай. Могут ведь бандеровцам сообщить о деньгах. Через неделю за нами придет грузовая машина «Студебеккер». Машина большая, но все равно надо будет брать с собой только самое необходимое. Подумай над этим, Гриппочко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.